

И. И. Кобылин, Ф. В. Николаи

«ЗДЕСЬ БЫЛ РУССКИЙ ВАНЯ»: ЮМОР, ИРОНИЯ И АРМЕЙСКАЯ ИЕРАРХИЯ В ВОСПОМИНАНИЯХ ВЕТЕРАНОВ ЛОКАЛЬНЫХ ВОЙН

doi: 10.30759/1728-9718-2019-3(64)-116-125

УДК94(470)“19” ББК 63.3

В статье на основе полужформализованных интервью российских ветеранов локальных войн рассматриваются юмор на войне и ирония в рассказах комбатантов. Их вряд ли корректно противопоставлять. Они представляют собой разные стратегии выстраивания дистанции по отношению к прошлому, но в конечном итоге они выполняют одну и ту же функцию. Армейский юмор делает происходящее вокруг «переносимым», помогая перевести военную действительность на повседневный язык. При этом «фронтная байка» чаще всего поддерживает негласную иерархию военной службы, на вершине которой оказывается опытный боец или офицер, которого сопровождают помощники, а окружают в разной степени «другие». Ирония же, наоборот, скорее проблематизирует общепринятую армейскую иерархию, традиционный военный нарратив и центральное место «героя» в воспоминаниях о прошлом. Она демонстрирует собой репрезентации и тщетность усилий рассказчика в борьбе с окружающими обстоятельствами. Однако ирония вместо подтверждения социальной иерархии усиливает нарративную дистанцию саморефлексии и в этом смысле тоже делает прошлое «переносимым» и косвенно репрезентируемым. Анализ иронии и армейского юмора показывает, насколько военный опыт связан с нарративом и повседневными практиками выживания. В конечном итоге и юмор, и ирония работают на решение одной сверхзадачи — лишить пережитое травматического измерения или, во всяком случае, терапевтически его смягчить.

Ключевые слова: *устная история, ветераны локальных конфликтов, ирония, юмор, нарративы, практики коммеморации*

Юмор и ирония в рассказах ветеранов локальных войн о своем боевом (и шире — армейском) опыте вступают в достаточно сложные отношения друг с другом. Представляя собой две различные стратегии и в «работе» с травматическим настоящим (непосредственно в военно-полевых условиях), и в попытках репрезентировать прошлое (ирония и юмор в воспоминаниях комбатантов), они в конечном итоге выполняют одну и ту же функцию. Армейский юмор делает происходящее вокруг «переносимым», помогая «нормализовать» действительность войны, перевести ее плохо поддающуюся репрезентации реальность на язык обыденной жизни. При этом «фронтная байка» чаще всего поддерживает негласную иерархию военной службы, на вершине

которой оказывается опытный боец или офицер, сопровождаемый помощниками, а внизу — разной степени «другие». В нарративе, непрерывно повторяя исходный эпизод (пусть даже с все возрастающим количеством подробностей и деталей, имеющих явно «литературный» характер), юмористическая история сокращает дистанцию, отделяющую рассказчика от случившихся когда-то событий. Это своего рода «короткое замыкание» с прошлым отсылает к той его части, которая уже лишилась своего травмирующего избытка. Юмор выполняет двойную терапевтическую функцию: нейтрализуя страшное военное «сейчас», он обеспечивает и его безболезненную «вспоминаемость» в будущем.

На первый взгляд, ирония выступает в роли прямо противоположной роли юмора. Она не столько поддерживает, сколько проблематизирует общепринятую армейскую иерархию, традиционный военный нарратив и центральное место «героя» в воспоминаниях о прошлом. «Подвешивая» автоматизм символических конвенций, ирония, как правило, демонстрирует собой репрезентации и тщетность усилий рассказчика в борьбе с окружающими обстоятельствами. Возникнув в результате дистанцирования от ситуации, она эту

Кобылин Игорь Игоревич — к.филос.н., доцент кафедры социально-гуманитарных наук, Приволжский исследовательский медицинский университет (г. Нижний Новгород)
E-mail: kigor55@mail.ru

Николаи Федор Владимирович — к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории, классических дисциплин и права, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина (г. Нижний Новгород)
E-mail: funik@list.ru

дистанцию увеличивает: рассказчик не только противопоставляет себя окружавшему его «маразму», но и рефлексивно разделяет себя нынешнего (рассказывающего) и себя прошлого (действующего).¹ Однако все эти «подвешивания» и дистанцирования нацелены на решение тех же, преимущественно терапевтических, задач, что и юмор. Функция иронической рефлексивной дистанции — смягчить негативный аффект прошлого, сделать его, пусть косвенно, репрезентируемым, а значит и чуть более «переносимым».

В основе статьи лежит анализ 90 полуформализованных интервью с российскими ветеранами локальных войн, длительностью от 30 минут до 4,5 часов, собранные авторами в 2013–2019 гг. в рамках проекта лаборатории «Исследования культурной памяти и историческая антропология» НГПУ им. К. Минина. Примерно половина респондентов — ветераны Афганистана, вторая половина — участники боевых действий на Северном Кавказе. Разумеется, интервью сильно отличаются по своей риторике и общим нарративным стратегиям. Ирония — лишь одна из них, реже других выходящая на передний план, но все-таки довольно часто используемая комбатантами (чаще офицерами среднего звена и прапорщиками, чем полковниками и рядовыми; скорее ветеранами Северного Кавказа, чем Афганистана). Ее трудно локализовать в отличие от юмора, которому напрямую посвящен один из вопросов интервью: «Какие забавные эпизоды вспоминаются Вам из того времени? Можно ли сказать, что юмор на войне помогал снимать напряжение?»

*«Грубый солдатский юмор»
и преодоление трудностей*

Хотя многие комбатанты, отвечая на этот вопрос, сразу рассказывали какой-либо забавный эпизод, значительная часть респондентов затруднялись с ответом: для любого анекдота или военной байки важен контекст или уместность, — юмор имеет смысл не просто сам по себе, но в рамках общего разговора.² Влади-

мир Б. (лейтенант, Афганистан 1984–1986): «— Какие забавные эпизоды вспоминаются Вам чаще всего? — Забавные? Ну, я не знаю... Может быть, потом, при случае вспомнится что-то». Поскольку обстановка (setting) интервью предполагает именно ответы на вопросы, а рассказы комбатантов чаще всего весьма фрагментарны, «идеальной ситуацией» для забавной истории становится использование подходящей «байки» применительно к коммуникативной ситуации. Владимир Б. (лейтенант, Афганистан 1984–1986): «— А были какие-то телесные ощущения после войны, такая телесная память? — [смеется] У нас это вошло в ранг анекдота, — про того же Карена Таривердиева, про которого я уже рассказывал: он идет по Москве с девушкой, и тут выхлоп машинный, как выстрел. Девушка на месте стоит, а Карен на земле, за бордюром лежит в грязи в белой рубашке — только пришел с Афгана». Такие шутки или примеры призваны свидетельствовать не просто о собственном опыте, но и о навыках его успешного согласования с общим контекстом коммуникации.

Особенно к этому стремятся старшие офицеры, которые используют «армейские байки» чаще всего не столько для описания собственного опыта, сколько для иллюстрации общих проблем в армии. Олег (полковник, Афганистан 1982–1984): «Когда я еще служил в Союзе, у меня был зам — подполковник К-н, здоровый парень, очень оригинальный. — К-н, съезди посмотри, что там творится. Приезжает: — Товарищ полковник, фронт. [смеется] Это значит — полный бардак. Или, что там случилось? — Товарищ полковник, во всем виновата экстра. Бутылка водки — “экстра” была. Ну так вот, я [уже в Афганистане] поехал на огневые позиции — там тоже “фронт”. <...>». Функция юмора здесь во многом совпадает с задачами управления солдатской массой и нормализации отношений в офицерском коллективе. Кроме того, она поддерживает в глазах слушателей высокий статус рассказчика как лидера и «бывалого вояки», обладающего опытом успешного преодоления самых разных трудностей (которые выносятся вовне — «на огневые позиции»), способного посмеяться над ними с высоты своего авторитета.

¹ Краткую историю иронического дистанцирования в европейской мысли и его коллапса в романтической иронии см.: Анкерсмит Ф. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. М., 2014. С. 199–297.

² В этом смысле юмор (как и ирония), конечно же, нарративен: анекдот или забавная история предполагает выстраивание дистанции по отношению к реальности. Однако эта дистанция не становится предметом рефлексии и мгновенно «преодолевается» в итерации исходной истории. Симптоматично, что ветераны редко сразу же рассказывали юмористическую бай-

ку — это отнюдь не обдуманый «готовый продукт», который опытный рассказчик всегда держит наготове. Она должна сама «всплыть» в свободном течении беседы, в своей максимальной безыскусности и литературной «несделанности».

У рядовых солдат и сержантов юмор менее поучителен, более телесен и часто амбивалентен. Дмитрий И. (рядовой, Афганистан 1984–1986): «Земляк Володя Б-в как-то говорит: подели по телевизору “фаер-шоу”? Я вам сейчас покажу, я умею. Мы забеспокоились, мол, Володь, может не надо? Володь, это тренироваться надо! А он пошел, бензина налил в банку от консервов, палку обмотал тряпкой и поджог. Первый раз пламя получилось. На второй ему воздуха не хватило, и огонь по струйке ему в рот. Слышим: бах! Я никогда не думал, что щеки могут так раздуваться. Он кричит: “Рыло разорвало!” Ну, мы же пацаны были, дети. Ведь стресс снять там негде было. Офицеры снимали стресс выпивкой, самогонку гнали». Героем анекдота становится именно молодой и неопытный солдат, чьи шутки принципиально отличаются от офицерских дидактических историй. Юмор здесь относится к телесным аспектам опыта, который комбатантам достаточно трудно вербально оформить, и который связан с преодолением трудностей. Александр С. (сержант, Афганистан 1985–1987): «После боя часто шутили друг над другом: — А ты помнишь, как полз по камням кверху задницей?! Тяжело было. Но мы старались переводить это в шутку».

К. Л. Банников полагает, что объектом такого «грубого армейского юмора» чаще всего выступают «молодые» солдаты, а его функцией становится поддержание существующей иерархии в «экстремальных группах». ³ По мнению исследователя, юмор как «подкол» тесно соприкасается с насилием и важен именно для обеспечения властного статуса старослужащих. Однако такая его прямолинейная трактовка к собранным интервью не очень подходит. ⁴ В центре шуток комбатантов

³ «Смех — реакция сугубо коллективная, социально организующая, он не просто заразителен, он и мобилизующ; он разрушает иллюзию одиночества, создает чувство локтя и коллективной сопричастности перед лицом угнетающих обстоятельств. <...> Смех всегда возникает во время доминантного насилия, направленного на воспроизведения структуры». Банников К. Л. Смех и юмор в экстремальных группах (на примере некоторых аспектов доминантных отношений в современной Российской Армии) // Смех: истоки и функции. СПб., 2002. С. 177. Также см.: Он же. Антропология экстремальных групп. Доминантные отношения военнослужащих срочной службы Российской Армии. М., 2002.

⁴ Единственным подходящим примером может служить фрагмент интервью разведчика Ивана Ф. (рядовой, Афганистан 1979–1982): «Страшно было всегда, перед каждым выходом. Каждый старался не показывать, наверное. Чем больше шутили, значит тем страшнее было. <...> Смех частенько помогал, но с ним поаккуратнее тоже надо было быть. Чуть лишнего скажешь, — сразу отхватил от старшего». Но в от-

и их забавных историй оказывается косвенное, а не силовое поддержание своего статуса. Юмор предлагает прагматическую модель для подражания, а также обеспечивает дополнительное удовольствие от преодоления трудностей. Пережитые трудности «отстраняются» и на уровне самоидентификации — становятся не личными, но принадлежащими коллективному «мы» или «они». Героями шуток младших офицеров, действительно, часто оказываются молодые солдаты, но это связано не с издевательствами, а скорее с «экспертным» признанием их неопытности, косвенно повышающим статус самого рассказчика как «бывалого вояки». Игорь (лейтенант, Северный Кавказ 1999–2000): «Был случай уже под окончание второй кампании в горах. Молодой боец только пришел и первый раз в бой попал. Духи сидели на горе, наш батальон был внизу. Постреляли, стрельба затихла, наши начали наводить артиллерию: смысла лезть на гору нет, проще накрыть артиллерией. Сидим, ждем, все нормально, и вдруг слышу “Ура!” — выскочил этот дурачок и с автоматом побежал. Еле-еле его схватили и обратно уложили. [смеется] И духи-то по нему не стреляли — испугались, наверное. Нервы не выдержали, опыта боевого нет, а эмоциональный порыв есть — мы же сейчас должны победить. <...> Мы когда в Чечню вошли и всем бойцам раздали оружие, у нас основная стрельба стояла внутри лагеря. Рвались гранаты, стреляли из подствольных гранатометов. Поскольку моя палатка стояла недалеко от медроты, мимо меня каждый день несли кого-то с простреленной задницей или ногой. Офицеры их просто не приучили. Дома он попасть в мишень с 10 метров не может, а тут с первого выстрела из снайперской винтовки с 500 метров по бегущей мишени — сразу в задницу товарища. Как так?! Это же вообще попасть невозможно. А теперь надо уголовное дело открывать: ты целился? — Целился, но я думал, что патрона в стволе нет!» Байки, героями которых становятся молодые солдаты, показывают, что испытанный страх или затруднения были общими, но на этом общем фоне рассказчик выглядит гораздо лучше большинства сослуживцев.

ношении «дедовщины» почти все комбатанты настаивали, что на войне ее гораздо меньше, чем в мирное время, и она принципиально отличается своим вполне прагматическим характером: речь идет скорее о распределении бытовых обязанностей, но не об унижениях «молодых».

В рассказах ветеранов (и особенно старших офицеров) смех часто относится к поведению радикально «других», а не «своих» (включая молодых солдат). Олег (полковник, Афганистан 1982–1984): «Командир соседней афганской дивизии (он был из богатых) играет с начальником штаба в карты. Всю ночь, бывало, играют, утром выходят: — Ох и битва тут идет! Там воюют, а они в карты играют. И все это, главное, на его землях. <...> 7 ноября у нас праздник революции, значит. У нас клуб в ангаре, ну там столы поставили, сели. Впереди командир дивизии, рядом местный секретарь НДПА.⁵ А сзади сидит их имам. Ну как всегда там доклад, что-то ля-ля, а второй секретарь, советник, сидит рядом со мной и все смеется. И меня подзуживает: — Товарищ полковник, вот Вы спросите имама, он недавно в Ташкенте был, — что ему больше всего понравилось? Оказывается, девушки ему понравились. [смеется] А этот умирает со смеху — оказывается, не религия там, а девушки ему понравились! В Ташкенте же девки открытые, а тут-то они все закрытые ходят». Здесь мы сталкиваемся с довольно любопытной конструкцией — «другой» отчасти оказывается «своим» (антропологическая универсальная «норма» побеждает экзотическую партикулярность), но на фоне разделяемой имамом с рассказчиками «нормы» гендерного поведения «другость» первого становится еще более заметной и комичной.

Такой юмор предполагает выстраивание разветвленной иерархии других,⁶ по отношению к которым рассказчик занимает достаточно высокую социальную и нарративную дистанцию. Андрей З. (сержант, Афганистан 1985–1987): «Забавно было, когда едешь на броне мимо кишлака, и женщины попадают на встречу. Они лица закрывают подолом, а задницы при этом открывают». Гендерные и ориенталистские коннотации здесь также работают на демонстрацию привилегированного статуса рассказчика, свысока (с «брони») смотрящего на объект своих шуток. В некоторых случаях такой юмор позволяет сгладить или обойти моральную оценку достаточно двусмысленных в этическом плане ситуаций. Владимир Б. (сапер, Афганистан 1982–1984): «Опе-

рация в Газне была несколько недель. Сухой паек закончился. А был у нас один товарищ (украинец), который стал ходить к местным за продуктами, а вместо реквизированного имущества — кур, молока, фруктов — оставлял им бумажку со словами, что по ней им всё возместят. И они не бунтовали, веря ему. А на бумажке написано было: “Здесь был русский Ваня”. Поймал его потом особист и даже наказал на “губе”. Юмор здесь неразрывно связан с национальной маркировкой (украинец) и оправдывающими обстоятельствами (паек закончился), но выступает прямым продолжением оправдания коллективной стратегии выживания.

Разумеется, юмор касается не только радикально «других», но и «соседей» — представителей смежных родов войск, солдат других национальностей или соседних рот. Алексей Б. (майор, Северный Кавказ 1999–2004): «Нам был придан военный связист для координации с местной комендатурой — молодой парнишка Леха, на вид лет двадцати. Выглядел он наивным пареньком. Когда случались обстрелы, Леха быстрее всех падал на пол и закатывался под укрытие. Мы, как бывалые служаки, начали его учить уму-разуму. При проверках командир обязывал нас записывать все, что происходит вовремя боевого дежурства. Мы переспрашивали: — Все-все писать? А командир отвечал: — Все. После в журнале все чаще и чаще стали появляться такие записи: “В 4 утра НОТ был обстрелян... связист боится...” И эта фраза стала добавляться в связи с разными событиями: все, что фиксировалось в журнале, дополнялось фразой “связист боится”. Потом случайно как-то разговорились, и оказалось, что он уже был здесь в первую кампанию. Потом вернулся по контракту и попал в самый сложный район — Шалинский. Боевиков там было немерено, и один раз они даже блокировали их комендатуру на целую неделю, да так, что федеральные силы не могли к ним прорваться. Добил он нас, сказав следующее: — Потом я снова вернулся домой, а там по-прежнему работы нет, одноклассники все спиваются. И я заключил второй контракт еще на год». Объектом юмора здесь выступает как связист (к боеспособности срочников служащие МВД чаще всего относятся скептически), так и (отчасти) собственное высокомерие. Забавные истории могут касаться военных психологов, «штабных», офицеров-«пиджаков»

⁵ Народно-демократическая партия Афганистана.

⁶ Подробнее см.: Кобылин И. И., Николаи Ф. В. «Восточная экзотика» и солдатская прагматика: воспоминания воинвоинтернационалистов о войне в Афганистане // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2018. № 4 (43). С. 50–58.

или медсестер, по отношению к которым рассказчик выступает не просто опытным воином, способным преодолевать трудности, но и главным актором военных действий, тогда как они выступают в роли сопровождающих помощников, не так успешно действующих в окружающей обстановке. На их фоне юмор позволяет рассказчику признать свои слабости и продемонстрировать их преодоление.

Несомненно, важную роль играет повторение подобных историй. Оно создает круг «по умолчанию своих» — обладающих тем же опытом и понимающих все коннотации рассказываемых историй. Леонид М. (сержант, Афганистан 1984–1986): «Мы в 2010 г. собирались в Воронеже с ребятами. Приехало много народу, человек 40 из 70. И это такое ощущение классное, как будто мы все на базе подскока. Все те же парни, те же шутки, ничего не изменилось. <...> При этом вспоминается не сам бой, а приколы, которые были. Например, как мы от нечего делать упросили доктора дать нам какие-нибудь таблетки, чтобы галлюцинации вызвать. А он нам дал обычного анальгина. А у нас все равно настроение повысилось, какие-то даже глюки пошли». Особенно это касается парных интервью, в рамках которых комбатанты обращаются не только к интервьюеру, но и к товарищу, — сознательно и бессознательно апеллируют к его памяти. Эмоции, совместный смех и дружеские «подколы» оказываются здесь отыгрыванием или воспроизводством исходных практик выживания и нормализации сложной фронтовой повседневности. «Фронт-овые байки» и юмор работают не только на символически обусловленном уровне эмоций, конструируя специфическую коллективную идентичность — «сообщество своих». Они обладают и важным аффективным измерением.⁷ Аффект в данном контексте может пониматься как своего рода «топливо» для эмоциональной социальности «фронт-ового братства». В этом смысле последнее возникает не только из повседневных практик совместного выживания и взаимопомощи, но и (отчасти) за счет эмоционально и аффективно насыщенных анекдотов и забавных историй, которые гибко и ситуативно используются рассказчиками в зависимости от их навыков и роли в коллективе.

⁷ С. Ушакин формулирует это применительно к опыту Русско-японской войны следующим образом: «...смех служил механизмом перевода ужаса войны на язык аффекта». Ушакин С. «Смехом по ужасу»: о тонком оружии шутов пролетариата // Новое литературное обозрение. 2013. № 3 (121). С. 131.

От иронии такой юмор отличается большей вовлеченностью: повторение этих рассказов помещает рассказчика «внутри» истории, закрепляя воспроизводство опыта. Он выстраивает горизонтальную дистанцию: проблемы становятся разделяемыми, относятся не к персональному опыту, но к коллективному «мы» или (еще лучше) «они». Ирония же помещает рассказчика скорее «снаружи», она выстраивает более рефлексивную дистанцию по отношению как к самому прошлому, так и к сложившемуся нарративу о нем, и действует скорее не метонимически (по смежности), но метафорически — ищет более сложные нарративные средства, интертекстуальные цитаты, отсылки к другим нарративам.

Ирония и выстраивание дистанции саморефлексии

В отличие от юмора, апеллирующего непосредственно к прошлому опыту (чаще коллективному, чем индивидуальному), ирония оказывается более чувствительна к форме нарративной репрезентации. В этом смысле она выстраивает не столько «горизонтальную», сколько вертикальную (метаисторическую) дистанцию — превращает героя в рассказчика. Кроме того, если комический троп предполагает временную победу над миром посредством примирения с действующими силами, с людьми и обществом, то иронический проблематизирует существующие конвенции и подчеркивает ограниченность любых репрезентации. Андрей З. (старшина, Афганистан 1985–1987): «Я когда домой вернулся, сели дома с дедом-фронт-овиком выпить. А он о войне никогда не любил рассказывать. А тут спрашивает: — Ну что, рассказать о войне? — Нет, не надо, говорю». Ирония здесь опирается на хорошо известный парадокс: рассказывать о войне человеку, не имеющему боевого опыта, бессмысленно — он все равно ничего не поймет; человек же получивший такой опыт ни в каких рассказах уже не нуждается. Косвенно ирония также наделяет рассказчика высоким статусом, — делает его равным ветерану Великой Отечественной войны (лежащей в центре политики памяти современной России). В этом смысле ирония может пересекаться с юмором и его нарративными функциями, но переносит акцент с коллективного опыта на индивидуальность коммуникативной ситуации или стилистической манеры рассказчика.

Уже упоминавшийся К. Л. Банников рассматривает иронию как дистанцирование по

отношению к «армейскому маразму» в рамках стремления экс-комбатантов к реинтеграции в гражданское общество.⁸ На наш взгляд, такая интерпретация верна лишь отчасти, схватывая только один из элементов более широкого и сложного процесса. Борис Ц. (подполковник, Северный Кавказ 1995, 1999–2000): «Мне после ранения в госпитале сказали: о-о-о, все! Ты, друг, отвоевался! А я говорю: вы что, у меня там батарея в горах, я там единственный, кто воевал, остальные новенькие. И в форме-100 подписался, что категорически отказываюсь от госпитализации. Закололи меня, сказали: у тебя мозги поплывут там. Мозги у меня не поплыли, но последствия контузии сказались: у меня не держалась голова; в голове шум, музыка, свист; и зверски болела она. И я убивал это алкоголем, что категорически запрещено при контузии. Неделю я сдавал дела, в бой ходил. А когда уже проехал в Москву и сел в поезд, у меня поехала крыша: пошло раздвоение личности, физические ощущения различные нехорошие и все остальное. <...> Тогда мне дали справку, что, мол, ты не подсуден ни одному суду, ты дурак. Но я сумел зажаться, и так до второй войны. Но после второй войны у меня все перекувыркнулось, и ко мне стал являться дьявол. Реально! Я написал рассказ целый об этом — “Искушение”. Он стал ко мне приходить в облике человека, предлагать мне богатство, славу, — переходил на мою сторону. Мы с ним сидели и выпивали <...>». В этой жутковатой истории, которую Борис Ц. рассказывал с веселой, почти юмористической интонацией, важным представляется элемент саморефлексии: выстраивание генеалогии проблемы, усилия по ее нарративной репрезентации (создание рассказа) и дистанцирование от этого опыта в настоящем. На наш взгляд, этот пример свидетельствует уже не столько о взаимосвязи юмора и иронии, сколько о нескольких возможных функциях последней.

В работе «Эстетическая идеология» П. де Ман выделял три типа иронии как выстраивание дистанции по отношению к себе (саморефлексия), истории (прошлому), окружающему миру.⁹ По его мнению, все они опираются на суждение, вызванное неизбежной рассогласованностью нарратива с гетерогенностью (во-

енного) опыта. В интервью Бориса Ц. преобладает элемент саморефлексии как стремление репрезентировать свой пограничный опыт, оказавшийся на стыке между нормой и патологией. Одним из ключевых средств такой саморефлексии становится использование «нисходящих метафор» («дурак»). Показательно, что ирония ставит под вопрос весь остальной нарратив, который опирается на социально-культурное противопоставление «своего» и «чужого». Часто поводом (но не главной целью, как считает К. Л. Банников) для такой иронической саморефлексии становится обсуждение ПТСР и проблем послевоенной адаптации. Борис С. (прапорщик, Северный Кавказ 1995–96, 1999): «Вот вы умные люди, — объясните мне, дураку, что это за синдром такой [посттравматический]. [Антон, психотерапевт, Северный Кавказ 2005]: — Вот вам горы часто снятся? — Ага. И в ушах после контузии иногда шумит. [Антон]: — Вот это и есть часть симптоматики ПТСР.¹⁰ — Ну не знаю, не знаю...» Иронически проблематизируя общепринятые представления и не высказывая напрямую свое мнение, комбатанты задействуют два регистра коммуникации — аффективный и интенциональный (менее важный для обычного армейского юмора). При этом предполагается не только верность сообществу «своих», но и готовность к выстраиванию новых прагматических социальных связей (как минимум в рамках продолжающегося диалога), в рамках которых старые иерархии требуют гибкого переосмысления.

Гораздо реже в интервью встречается ироническое обыгрывание исторической дистанции по отношению к прошлому. Здесь противоречия реальности накладываются на разорванность во времени. Среди наших респондентов к таким рассказам склонны скорее историки по образованию, служившие после окончания ВУЗа «пиджаками» на Северном Кавказе. Они однозначно чаще используют иронию, чем ветераны Афганистана. Возможно, это связано с влиянием популярного кино 1990-х гг. Игорь (лейтенант, Северный Кавказ 1999–2000): «Я помню, как раз в 2000 или 2001 году фильм “ДМБ” вышел. Я как раз увольнялся тогда. Там прямо все точно про нашу армию». Ирония в их рассказах занимает место, освободившееся после распада позднесоветской идеологической риторики

⁸ Банников К. Л. Смех и юмор в экстремальных группах. С. 185.

⁹ Man P. de. *Aesthetic Ideology*. Minneapolis; London, 1996. P. 163–184.

¹⁰ Посттравматическое стрессовое расстройство.

(«воинского долга», «защиты южных рубежей нашей Родины»), по-прежнему важной для многих «афганцев».¹¹ Неотъемлемой частью такой иронии оказывается проблематизация привилегированной позиции рассказчика, которая идет гораздо дальше саморефлексии. Андрей Ч. (прапорщик, Северный Кавказ 1995, 2000–2004): «Когда я в армию в 1994-м попал, я узнал сколько стоит моя жизнь [пауза] — две машины навоза. Это отец полковнику на дачу отвез, чтобы меня в штаб кинемехаником пристроить. <...> Я вообще не люблю об этом рассказывать. Я сюда шел — думал, опять про Великую Отечественную разговор будет».¹² Герой здесь оказывается пассивным объектом, игрушкой в руках непредсказуемых обстоятельств. Однако рассказчик сознательно обыгрывает это в своем рассказе, предвидит и провоцирует реакцию слушателей, выдерживая паузу и повторяя успешные нарративные ходы. Показательной в приведенной цитате представляется и отсылка к Великой Отечественной войне. Как отмечает А. Портели, ирония предполагает «интерференцию или пересечение двух разных этических (или политических, религиозных) нарративных стандартов».¹³ В этом смысле у российских ветеранов Северного Кавказа она возникает из рассогласования опыта с традиционным нарративом о прошлом, и, прежде всего, с героическим нарративом Великой Отечественной войны. Игорь (лейтенант, Северный Кавказ 1999–2000): «У меня всего девять боевых операций было. А там люди четыре года воевали. Я не знаю, как они там с ума не сошли».

Как известно, в англо-американской историографии анализ иронии отгалкивается от текстов «потерянного поколения» участников Первой мировой войны.¹⁴ П. Фассел отмечает, что они целенаправленно обращаются к довоенным сатирическим текстам, но меняют (принижают) их регистр. В этом смысле ирония становится маркером кризиса линейной разметки времени эпохи модерна, симпто-

мом темпоральной замкнутости в настоящем. В условиях распада прежних линейных нарративов она выводит на передний план деталь, фрагмент, который и становится ключевым элементом коммеморации. Именно такая модель репрезентации становится привилегированным тропом для всей памяти о войне в XX в. (включая локальные конфликты). При этом, как справедливо отмечает Д. Уинтер, благодаря своему игровому характеру ирония создает дополнительное удовольствие от достижения выводов методом от противного.¹⁵ Важно подчеркнуть также, что ирония — не просто литературный троп, но неотъемлемая часть повседневных практик выстраивания дистанции по отношению к прошлому: «Ирония — это всегда действие актора; ее выражают, ей дышат, ей живут. Она является одновременно грамматикой и условием существования. Это способ репрезентации и личности, и мира, находящихся на определенной дистанции по отношению друг к другу».¹⁶

В отличие от западной военной литературы, в интервью российских ветеранов такие интертекстуальные отсылки почти не встречаются. Для российских комбатантов дистанция, выстроенная по отношению к прошлому, часто коллапсирует: прошлое буквально вторгается в настоящее. В этом контексте ирония не столько проблематизирует окружающий мир, сколько позицию самого рассказчика или его отношения с прошлым. Ирония по поводу социальной реальности в рассказах ветеранов присутствует редко и в максимально завуалированной форме. Олег (полковник, Афганистан 1982–1984): «Я помню, прилетела к нам Зыкина. А тут командиру дивизии присвоили звание генерала. Ну, стол накрыли. А мы все праздники с афганцами отмечали. И тут они из Кундуза приехали. Ну, что-то там говорили, поздравляли. А она бабка боевая была, для нее авторитетов нет. Как завелась: — Да что вы тут творите? Какая тут, к черту, революция? Это пока она ехала с аэродрома, увидела босоногих детей. Мы себе такого не позволяли, а она как бы высказала все это. Поднимается молодой парень, лет 35, — представитель ЦК НДПА. Он так покраснел, и говорит: — Мы свою задачу как партии знаем. Наша задача — нести социализм на Пакистан, в Индию... У него такой

¹¹ Абсолютное большинство участников боевых действий на Северном Кавказе говорит о полном отсутствии какой-либо информации в 1995 и 1999 гг. о целях войны или ее политических рамках.

¹² Андрей участвует в поисковом движении. Первая встреча была посвящена этой его работе.

¹³ Portelli A. What Makes Oral History Different // *The Oral History Reader*. London; New York, 1998. P. 70.

¹⁴ См.: Fussell P. *The Great War and Modern Memory*. New York; London, 1975; Hynes S. *The Soldier's Tale: Bearing Witness to Modern War*. New York, 2001; Winter J. *War Beyond Words: Languages of Remembrance from the Great War to the Present*. Cambridge; New York, 2017; etc.

¹⁵ См.: Winter J. *Remembering War: The Great War between Memory and History in the Twentieth Century*. New Haven, 2006. P. 134.

¹⁶ *Ibid.* P. 121.

подъем был. У нас тут такие мелкие проблемы, а у него прямо революционная идеология. Ну, думаю, египт твою мать, вот это настоящий революционер!» Позиция рассказчика здесь не очевидна: то ли он поддерживает революционный порыв члена ЦК, то ли подшучивает над ним. Алексей (старшина, Северный Кавказ 2001–2006): «Мне кажется, мужество и героизм у нас государство разделило. Если ты совершил не очень большой подвиг — тебе Орден Мужества. А если большой подвиг — то тебе Звезду Героя. Им там наверху виднее, кому что вручать. [Ф. Н.]: — А вы сами с товарищами эти слова используете? И кого из сослуживцев считаете мужественным? — Я про своих говорить не буду. Человек может быть дурак-дураком. Но ему может просто фантастически везти. Полез он, скажем, куда никто и не полезет. Повезло ему раз, повезло два. А в книжках напишут, что он герой. А он может куда-то по-пьяни залез, а куда-то не от большого ума». Понять позицию рассказчика можно только из общего контекста речи. Критическая направленность первой части высказывания становится понятной только после уточнения. Она выступает следующим шагом общей тактики проблематизации как снижения серьезности общепринятых метафор и рефлексии над собственным (коллективным) опытом. Однако чаще всего ироническая критика армейских порядков или идеологической риторики оторвана в рассказах комбатантов от фронтового опыта. Это две разные и почти не пересекающиеся истории. Причины такого раскола требуют отдельного разговора, выходящего далеко за рамки этой статьи. Предположим лишь, что определенную роль здесь играют и быстрая смена доминирующих медиумов (сначала кино, а потом интернет вместо книг и газет), и специфика «сеттинга» интервью (воспринимаемого ветеранами скорее интерpellация «сверху», чем разговор «между своими»), и общая слабость критического нарратива в российском обществе (чаще всего не выходящего за рамки неolibерального дискурса начала 1990-х гг.).

То есть, используя терминологию Г. Пауля,¹⁷ можно утверждать, что в рассказах ветеранов однозначно преобладает «эпистемологическая», а не «трансидеологическая» ирония.

Первая предполагает эпистемологический скептицизм, направленный против реалистических претензий нарративных стратегий репрезентации (метафоры, метонимии и синекдохи). Вторая опирается на универсальность политического действия, выходящего за рамки отдельных идеологий, укорененных в прагматике партикулярного опыта. Однако в российском контексте эта линия ограничивается скорее критикой идеологической риторики или общего армейского «бардака». В целом же ирония выступает как двусторонняя проблематизация фронтового опыта и (в меньшей степени) военного нарратива. В этом смысле она не работает на укрепление армейской иерархии, но и не сильно ее проблематизирует. Речь идет скорее об индивидуальных тактиках выстраивания более отрефлексированной дистанции по отношению к прошлому через саморефлексию.

Таким образом, на первый взгляд кажется, что несмотря на взаимные пересечения, ирония и юмор направлены в разные стороны. Последний производит удовольствие за счет повторения и коллективной самоидентификации, тогда как ирония гораздо более индивидуальна и перформативна. Она поляризует, дестабилизирует нарратив и требует дополнительных усилий по его интерпретации. Ирония не «прорастает» линейно из армейского юмора, но представляет собой следующий уровень выстраивания дистанции саморефлексии. Однако в конечном итоге и юмор, и ирония работают на решение одной сверхзадачи — лишить пережитое травматического измерения или, во всяком случае, терапевтически его смягчить. Юмор делает это более непосредственно, обеспечивая контакт с уже «обезвреженным» опытом. Ирония сохраняет конфликт репрезентации, напряжение между нарративом и опытом, коллективным и субъективным, но при этом сглаживает наиболее острые конфликты и позволяет уклоняться от прямого противостояния. Конечно, намеченные линии сравнения требуют обобщения гораздо более широкого круга источников, включая не только устные интервью, но и публицистику, художественную прозу, воспоминания и дневники комбатантов. Но само движение в этом направлении предельно важно сегодня, поскольку одна из наиболее актуальных задач интеллектуальной истории,

¹⁷ См.: Paul H. An Ironic Battle against Irony: Epistemological and Ideological Irony in Hayden White's Philosophy of History, 1955–1973 // Tropes for the Past: Hayden White and the History / Literature Debate. Amsterdam; New York, 2006. P. 36, 37.

исследований памяти (memory studies) и военно-исторической антропологии — перенос акцента с «истории интеллектуалов» или «идей высокой культуры» на работу с «низовыми» практиками выживания на войне, конструи-

рования культурной памяти, выстраивания нарративной саморефлексии и конструирования здравого смысла (common sense). А юмор и (отнюдь не в меньшей степени) ирония — важнейшие компоненты таких практик.

Igor I. Kobylin

Candidate of Philosophy Sciences, Privolzhsky Research Medical University (Russia, Nizhny Novgorod)

E-mail: kigor55@mail.ru

Fedor V. Nikolai

Candidate of Historical Sciences, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Russia, Nizhny Novgorod)

E-mail: fvnik@list.ru

“HERE WAS RUSSIAN VANYA”: HUMOR, IRONY AND MILITARY HIERARCHY IN THE MEMORIES OF LOCAL WARS VETERANS

The article is based on semi-formalized interviews of Russian veterans of local wars and considers humor in war and irony in combatant's stories. It would be wrong to oppose irony and humor. They represent different strategies for building distance in relation to the past, but ultimately they perform the same function. Soldier's humor makes what is happening around “endurable”, helping to translate reality of war (which is difficult to imagine) into everyday language. As a rule “front-line story” supports the tacit hierarchy of military service, in the center of which an experienced fighter or officer is found, accompanied by assistants, and surrounded by the “others”. Irony, on the contrary, is more likely to problematize the generally accepted army hierarchy and traditional heroic narrative about the past. It demonstrates the failure of representation and the futility of narrator's efforts in dealing with the environment. Then irony takes the next step: instead of confirming the social hierarchy, it strengthens the narrative distance of self-reflection and in this sense it also makes the past “endurable” and indirectly representable. An analysis of irony and army humor shows the ways military experience is connected with narrative and everyday survival practices. Both humor and irony aim at solving one task — to deprive the experience of the traumatic dimension or to soften it therapeutically.

Keywords: *oral history, veterans of local conflicts, irony, humor, commemoration practices*

REFERENCES

- Ankersmit F. R. *Esteticheskaya politika. Politicheskaya filosofiya po tu storonu fakta i tsennosti* [Aesthetic politics. Political philosophy beyond fact and value]. Moscow: ID Vysshey shkoly ekonomiki Publ., 2014, 432 p. (in Russ.).
- Bannikov K. L. [Laugh and humor in extreme groups (on the example of some aspects of dominant relations in contemporary Russian Army)]. *Smekh: istoki i funkcii* [Laugh: origins and functions]. Saint Petersburg: Nauka Publ., 2002, pp. 175–185. (in Russ.).
- Bannikov K. L. *Antropologiya ekstremal'nykh grupp. Dominantnyye otnosheniya voyennosluzhashchikh srochnoy sluzhby Rossiyskoy Armii* [Anthropology of extreme groups. Dominant relations of conscripts in Russian Army]. Moscow: IEA RAN Publ., 2002, 400 p. (in Russ.).
- Fussell P. *The Great War and Modern Memory*. New York; London: Oxford University Press, 1975, 384 p. (in English).
- Hynes S. *The Soldier's Tale: Bearing Witness to Modern War*. New York: Penguin Press, 2001, 318 p. (in English).
- Kobylin I. I., Nikolai F. V. [Soviet-style orientalism: combatant's memories about Afghanistan war]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Seriya Istoriya* [Perm University Herald. History], 2018, no. 4 (43), pp. 50–58. DOI: 10.17072/2219-3111-2018-4-50-58 (in Russ.).
- Man P. de. *Aesthetic Ideology*. Minneapolis; London: University of Minnesota Press, 1996, 196 p. (in English).
- Paul H. *An Ironic Battle against Irony: Epistemological and Ideological Irony in Hayden White's Philosophy of History, 1955–1973. Tropes for the Past: Hayden White and the History*. Amsterdam; New York: Rodopi, 2006, pp. 35–44. (in English).

Portelli A. What Makes Oral History Different. *The Oral History Reader*. London; New York: Routledge, 1998, pp. 63–74. (in English).

Ushakin S. ["Laughing in horror": on the subtle weapons of the proletariat buffoons]. *Novoe Literaturnoe Obozrenie* [New Literary Review], 2013, no. 3 (121), pp.130–162. (in Russ.).

Winter J. War beyond Words: Languages of Remembrance from the Great War to the Present. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2017, 234 p. (in English).

Winter J. Remembering War: The Great War between Memory and History in the Twentieth Century. New Haven: Yale University Press, 2006, 352 p. (in English).